

Торо Генри Дэвид

**Опыт упрощения жизни (у
Вальденского озера в
Америке)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г34

Г34 **Генри Дэвид Т.**
Опыт упрощения жизни (у Вальденского озера в Америке)/Торо Генри Дэвид –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 127 с.

ISBN 978-5-519-77342-3

ISBN 978-5-519-77342-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нѣсколько словъ о Г. Д. Торо.

Свѣтъ любитъ эксцентричныхъ людей; не то, чтобъ онъ желалъ уподобляться имъ, нѣтъ, — всѣ его пристрастія на сторонѣ обычнаго приличія, — но... онъ всегда бываетъ непослѣдователенъ. Поклонникъ рутины и дѣдовскихъ преданій, онъ питаетъ однако естественное пристрастіе къ разнообразію, и радуется какъ ребенокъ при видѣ чего нибудь неожиданнаго и необыкновеннаго. Его мудрость состоитъ въ осторожности, его правила жизни сводятся къ благоразумію, гласящему: „слѣдуй по пробитой тропѣ, не рискуя ничѣмъ“. И тѣмъ не менѣе онъ восхищается смѣлостью, независимостью, оригинальностью, и всегда аплодируетъ нарушенію его собственныхъ правилъ. Даже люди, никогда не мечтавшіе дѣлать что либо; чего до нихъ не дѣлалъ никто, увлекаются при видѣ чловѣка, избирающаго свой самостоятельный путь, поражающаго ихъ каждую минуту какой-нибудь новой идеей и слѣдующаго влеченію своей души, не обращая вниманія на то, что мысли его еще не встрѣчались ни въ какой книгѣ.

Такимъ эксцентричнымъ чловѣкомъ и былъ Генри Давидъ Торо, одинъ изъ борцовъ за освобожденіе негровъ въ Америкѣ. Никогда нельзя было предвидѣть, что онъ сдѣлаетъ или скажетъ; онъ не подходилъ ни подъ какую норму. Вообще крайне благоразумный, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень непостояненъ и если чему оста-

вался вѣренъ отъ начала до конца, такъ это простотѣ. Простота, можно сказать, являлась основнымъ принципомъ его жизни, хотя и она была въ немъ своеобразна.

Торо былъ прежде всего человѣкъ, обладавшій значительной долей здраваго смысла; затѣмъ онъ былъ крайне практичнымъ и ловкимъ работникомъ. Если нужно было что-нибудь сдѣлать, то можно было обратиться къ нему въ полной увѣренности, что если онъ возьмется сдѣлать это, то сдѣлаетъ хорошо: если онъ вобьетъ гвоздь, то гвоздь этотъ будетъ держать. Онъ зналъ цѣну работѣ, понималъ справедливость пословицы „что посеешь, то пожнешь“ и потому никогда не ждалъ хорошихъ результатовъ отъ плохой работы, а старался всякую работу выполнить въ совершенствѣ. И при всемъ томъ онъ любилъ витать въ заоблачныхъ сферахъ. Искусный землемѣръ, прекрасный садовникъ и столяръ, ловкій мастеръ дѣлать кисти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ мечтатель, находившій высшее наслажденіе въ созерцаніи природы и посвящавшій этому занятію большую часть своего времени; презирая взрослыхъ, онъ любилъ дѣтей,—словомъ, представлялъ собою воплощенный парадоксъ отъ начала до конца, и свѣтъ не могъ имъ не восхищаться.

Миляхъ въ двадцати на сѣверо-западъ отъ Бостона, въ Массачузетсѣ, въ Новой Англіи, находится небольшой городокъ Конкордъ, расположенный на живописномъ берегу рѣки того же названія. Въ этомъ городкѣ, среди пышныхъ луговъ, окаймленныхъ лѣсистыми холмами, 12-го іюля 1817 года, родился Генри Торо, этотъ ученый бродяга, поэтъ, натуралистъ и философъ. Отецъ его человѣкъ серьезный и молчаливый, къ тому же глухой, но добрый и радушный, потративъ небольшое доставшееся ему наслѣдство на рискованныя предпріятія, занялся выгоднымъ въ то время производствомъ кистей и

этимъ добывалъ необходимыя средства къ существованію.

Двадцати пяти лѣтъ онъ женился на Цинтіи Дунбаръ, дочери священника, очень красивой, умной женщины, обладавшей необыкновенно пріятнымъ голосомъ и любовью къ дѣтямъ. Кромѣ Генри, у нихъ было трое дѣтей: одинъ мальчикъ и двѣ дѣвочки. Домъ ихъ всегда служилъ главной квартирой аболиціонистовъ и мѣстомъ убѣжища для бѣглыхъ рабовъ-негровъ, находившихъ здѣсь радушный пріемъ,—обстоятельство, сильно вліявшее на то, что семья Торо, не отличаясь ни богатствомъ, ни выдающимся общественнымъ положеніемъ, тѣмъ не менѣ пользовалась особеннымъ уваженіемъ и почетомъ. Генри Торо въ раннемъ дѣтствѣ отвезенъ былъ въ Чельмсфордъ, мѣстечко, находившееся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Конкорда, и пробылъ тамъ до шести лѣтъ. Вернувшись въ родной городъ, онъ, какъ и всѣ его товарищи, какъ и знаменитый поэтъ Эмерсонъ, гонялъ свою корову на луга, разстилавшіеся по рѣкѣ, посѣщалъ городскую школу, изучалъ греческій языкъ и подготовлялся къ Харвардской коллегіи, куда и поступилъ 16 лѣтъ. Здѣсь онъ пробылъ цѣлыхъ четыре года, и, хотя не выдавался, какъ ученикъ, получающій высшія награды, но учился хорошо и, главное, очень много читалъ. Онъ рано началъ писать стихи, но рима ему вообще не давалась; къ тому же у него былъ довольно своеобразный способъ составлять стихи: онъ писалъ отдѣльные куплеты и затѣмъ принимался уже изъ нихъ составлять цѣльныя стихотворенія, подчасъ довольно искусственно нанизывая ихъ другъ на друга. Любимымъ его занятіемъ какъ прежде, такъ и въ колледжѣ оставалось посѣщеніе лѣсовъ и полей, гдѣ онъ только и чувствовалъ себя дома. Въ колледжѣ онъ занимался преимущественно естественными науками и началъ собирать коллекціи. При посѣщеніи Агассисомъ Америки, Торо, которому было тогда съ небольшимъ двадцать лѣтъ,

сдѣлался его дѣятельнымъ помощникомъ при составленіи коллекцій рыбъ и черепахъ, поражая его своимъ необыкновеннымъ знакомствомъ съ нравами и образомъ жизни животныхъ. Онъ зналъ всю мѣстность кругомъ со всѣми ея обитателями, „какъ лисица или какъ птичка божія“. Темной ночью онъ находилъ въ лѣсу любую тропинку также легко, какъ пахарь днемъ свою полосу; всѣ животныя лѣсовъ, полей, рѣкъ и озеръ были какъ бы его товарищами или земляками: онъ отлично зналъ и понималъ ихъ, а они, повидимому, ни мало его не страшились. По словамъ Эмерсона, онъ обладалъ необыкновеннымъ развитіемъ органовъ чувствъ: видѣлъ простымъ глазомъ, какъ въ лупу, слышалъ невооруженнымъ ухомъ, какъ въ трубу, а его память фотографически вѣрно сохраняла все то, что онъ видѣлъ и слышалъ. По выходѣ изъ колледжа, онъ началъ было учительствовать въ школѣ, но скорѣ бросилъ это и содержалъ себя тѣмъ, что мѣсяца полтора въ году занимался садоводствомъ или огородничествомъ, а когда нужно было денегъ, то брался за съемку плановъ, писалъ въ журналы, читалъ лекціи, работалъ кисти, рылъ канавы, строилъ изгороди или стиралъ бѣлье.

Въ 1834 году, разойдясь съ Бостонскимъ духовенствомъ, поселился въ Конкордѣ, въ домѣ своихъ предковъ, извѣстный философъ и публицистъ Эмерсонъ и образовалъ знаменитый кружокъ выдающихся оригинальныхъ людей въ лицѣ Алькотта, Куртиса, Готорна и Маргариты Фулеръ. Подъ вліяніемъ этого кружка небольшой, красиво расположенный, городъ Конкордъ какъ бы переродился. На него повѣялъ новый духъ, въ немъ завелись библіотеки, научныя бесѣды, литературныя чтенія, которымъ могли позавидовать многіе большіе города. Сюда со всѣхъ сторонъ начали стекаться самые разнообразныя люди: и молодые мечтатели, не умѣвшіе разобраться въ лабиринтѣ окружающей ихъ жизни, и сѣдовласые теоретики, замкнувшіеся

въ своихъ искусственныхъ теоріяхъ, и серьезные искатели свѣта во мракѣ нравственнаго міра, разстилавшагося вокругъ нихъ... Никогда еще скромный, американскій городокъ не видалъ такого разнообразія лицъ, одеждъ и умовъ. Къ этому то кружку примкнулъ и Торо, внося въ него свой вкладъ, какъ своеобразный любитель и знатокъ природы. Онъ не былъ научнымъ изслѣдователемъ, не анатомировалъ, не классифицировалъ животныхъ и растений, интересовавшихъ его, не наклеивалъ на нихъ ярлыковъ, но смотрѣлъ на наблюденіе природы, какъ на одно изъ средствъ проникнуть во внутренній, высшій міръ явленій. Въ 1845 году онъ даже поселяется въ лѣсу, въ „культурномъ уединеніи“, чтобъ вполне насладиться картинами горячо любимой имъ природы.

Торо не былъ женатъ, ни разу не былъ въ Европѣ и если совершалъ путешествія, то не иначе, какъ пѣшкомъ и не дальше Мена или Канады, всегда возвращаясь въ родной свой Конкордъ. Онъ принималъ живое участіе въ неграхъ и въ движеніи съ цѣлью освободить ихъ изъ рабства. Когда въ 1859 году Джонъ Браунъ, послѣ неудачной попытки вызвать возстаніе невольниковъ, лежалъ раненый въ тюрьмѣ, Торо, поборовъ свое отвращеніе къ публичной роли, выступилъ одинъ на его защиту и заговорилъ такъ, что заставилъ всѣхъ невольновстрепенуться. Комитету аболиціонистовъ, убѣждавшему его побережь себя и не выступать съ такой опасной защитой, онъ смѣло отвѣчалъ: „я посланъ къ вамъ не за совѣтомъ, а чтобъ увѣдомить, что я буду говорить“.

И онъ дѣйствительно, вопреки всеобщему опасенію, протестовалъ противъ осужденія Брауна такъ, какъ свойственно только человѣку съ смѣлой душой. „Если дѣла этого гражданина“, говорилъ онъ, „не породятъ послѣдователей, то это будетъ самой ужасной сатирой на насъ и

на все, что мы дѣлаемъ и говоримъ“. И протестъ его имѣлъ сильное вліяніе.

Шестого мая 1862 года Торо умеръ сорока пяти лѣтъ отъ роду. Его могила находится въ прекрасной долинѣ его родного городка, хотя родные у него, по выраженію одного изъ его друзей, „есть всюду, гдѣ цѣнится знаніе, добродѣтель и красота“.

Предлагаемые отрывки изъ книги, написанной Торо въ лѣсу, въ его „культурномъ уединеніи“, быть можетъ, дадутъ нѣкоторое понятіе объ его интересной личности и своеобразныхъ взглядахъ на людей и природу.

I.

Экономія.

Когда я набрасывалъ замѣтки, изъ которыхъ составилаь эта книга, я жилъ въ лѣсу одинъ, и на цѣлую милю кругомъ меня не было никакого жилья. Я жилъ въ домѣ, который построилъ самъ, на берегу Вальденскаго озера, въ штатѣ Массачузетсъ, и добывалъ все нужное для своего существованія трудами своихъ рукъ. Я прожилъ тамъ два года и два мѣсяца и въ настоящее время снова, временно, нахожусь среди цивилизованныхъ людей.

Многіе изъ моихъ соотечественниковъ обращались ко мнѣ съ вопросами о томъ, какъ и чѣмъ я существовалъ; одни спрашивали, чѣмъ я питался, другіе—не тяготило ли меня одиночество, третьи—не было ли мнѣ страшно жить въ лѣсу и т. д. Нѣкоторые интересовались узнать, какую часть своихъ доходовъ я отдавалъ на благотворительныя дѣла, а люди, имѣющіе большія семьи, спрашивали, какое количество бѣдныхъ дѣтей я содержалъ. Печатаая свои замѣтки въ видѣ этой книги, я постараюсь отвѣтить на нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ вопросовъ, постараюсь дать простой и искренній отчетъ въ своей жизни, нѣчто вродѣ свѣдѣній о себѣ, которыя я пошлалъ бы своимъ семейнымъ изъ далекой страны.

Однако, прежде чѣмъ рассказывать о себѣ, мнѣ хотѣлось бы поговорить о моихъ соотечественникахъ, обитателяхъ Новой Англіи, объ условіяхъ ихъ жизни, каковы они въ дѣйствительно-

сти. и о томъ, какъ они могли бы быть улучшены. Я довольно много странствовалъ по Конкорду: и всюду, въ лавкахъ, въ конторахъ, въ канцеляріяхъ, на поляхъ, мнѣ казалось, что люди исполняютъ тысячи различныхъ эпитемій. Все, что передаютъ о браминахъ, о томъ, какъ они сидятъ неподвижно, устремивъ глаза на пылающій огонь или солнце, какъ они висятъ, опустивъ голову внизъ къ огню, какъ они смотрятъ по цѣлымъ годамъ черезъ плечо на небо, какъ они приковываютъ себя на всю жизнь къ стволу дерева, или стоятъ на одной ногѣ на столбахъ,— все это едва ли болѣе невѣроятно и удивительно, чѣмъ тѣ сцены, которыя мнѣ приходилось видѣть ежедневно. Подвиги Геркулеса ничтожны сравнительно съ тѣми, которые совершаютъ мои сосѣди, потому что у Геркулеса ихъ было всего двѣнадцать и они имѣли конецъ, но люди, кругомъ меня, насколько я могъ замѣтить, никогда не видятъ конца совершаемой ими работы. У нихъ нѣтъ друга Геракла, который прижигаетъ бы въ отрубленныхъ мѣстахъ растущія головы гидры, и какъ скоро они отрубаютъ одну голову, у ихъ чудовища немедленно появляется другая.

Большинство людей въ этой сравнительно свободной странѣ, благодаря невѣжеству и заблужденію, такъ занято всевозможными искусственными заботами и излишней работой, что уже не можетъ срывать болѣе нѣжныхъ плодовъ труда. У нихъ не остается свободного времени для наслажденія полной жизнью; они не могутъ поддерживать человѣчныхъ отношеній съ людьми; у нихъ нѣтъ времени быть чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ какъ бездушнѣйшей машиной. Какъ могутъ они понять свое невѣжество, когда имъ приходится лишь примѣнять свои знанія?

Самыя нѣжныя свойства нашей природы, подобно оранжерейнымъ цвѣтамъ, могутъ развиваться только при самомъ заботливомъ уходѣ; а гдѣ мы видимъ такой уходъ?

Многіе изъ моихъ соотечественниковъ нахо-

дять, что жить трудно, и что имъ некогда, такъ сказать, передохнуть. Я не сомнѣваюсь, что нѣкоторые изъ читающихъ эту книгу не въ силахъ даже платить за обѣды, которые они ѣдятъ, или за платье и обувь, которыя они носятъ, и что читая эти строки, они тратятъ время, принадлежащее не имъ, а ихъ кредиторамъ. Они всегда стѣснены, всегда стараются добыть себѣ работы и выйти изъ долговъ, изъ этой старой трясины, называемой латинскими писателями *aes alienum*, „чужая мѣдь“, такъ какъ нѣкоторые деньги въ Римѣ чеканились изъ мѣди. Они живутъ, умираютъ, и ихъ хоронятъ на эту чужую мѣдь; они общаются расплатиться завтра, и умираютъ сегодня несостоятельными должниками. Они стараются снискать себѣ чью-нибудь милость какими бы то ни было средствами, трудятся до того, что наживаютъ себѣ болѣзни, — и все это съ цѣлью отложить хоть немного денегъ на случай болѣзни, спрятавъ ихъ въ старые сундуки или въ каменные зданія, называемыя банками.

Тяжело быть рабомъ южнаго рабовладѣльца, но хуже всего быть рабомъ самого себя. Ну и говорите послѣ этого о божественномъ началѣ въ человѣкѣ! Посмотрите, какъ мчится онъ по большой дорогѣ, думая только о рынкахъ, и днемъ и ночью: можетъ ли какое-нибудь божество обитать въ немъ? Его главная и священная обязанность состоитъ только въ томъ, чтобы сводить концы съ концами. Что ему значитъ его высшее назначеніе сравнительно съ интересами его торга? Смотрите, какъ онъ унижается и подличаетъ, какъ онъ труситъ, будучи просто рабомъ и узникомъ своего собственного мнѣнія о себѣ, славы добытой его собственными дѣлами. Общественное мнѣніе — слабый тиранъ сравнительно съ нашимъ личнымъ мнѣніемъ о себѣ. Что человѣкъ думаетъ о себѣ — вотъ что опредѣляетъ или, вѣрнѣе, направляетъ его судьбу. Освободиться отъ разныхъ фантазій и вымы-

словъ—многіе ли въ силахъ произвести этотъ страшный переворотъ?

Масса людей ведетъ жизнь, полную тихаго отчаянія, ибо то, что мы называемъ покорностью судьбѣ, есть не болѣе, какъ отчаяніе. Изъ городовъ, полныхъ отчаянія, мы направляемся въ такія же деревни. Безсознательное отчаяніе скрывается даже подъ такъ называемыми играми и забавами человѣчества. Въ нихъ нѣтъ той отрады, которая должна слѣдовать за работой. А вѣдь истинная мудрость не вѣдаетъ отчаянія.

Вникнешь въ конечную цѣль жизни человѣка и въ предметы и средства, нужные ему для существованія, и кажется, будто люди сознательно избрали общепринятый способъ жизни, предпочитая его всякому другому. И однакожь, они искренно думаютъ, что для нихъ нѣтъ другого выбора, хотя и есть между ними веселыя и здоровыя натуры, которыя еще помнятъ, какъ ясно вначалѣ свѣтило солнце. Никогда не поздно отказать отъ предразсудковъ. Никакой путь мышленія или дѣятельности, какъ бы древенъ онъ ни былъ, не можетъ быть принятъ на вѣру безъ провѣрки. Чтò всѣ принимаютъ сегодня за истину, завтра можетъ оказаться заблужденіемъ, чадомъ принятымъ за облако, отъ котораго ожидали благотворнаго дождя. Старики находятъ что нибудь невозможнымъ, вы пробуете, и оно оказывается довольно легкимъ. Пусть же останутся старыя дѣла у старыхъ людей, пусть новыя дѣла будутъ у новыхъ. Старые люди, вѣроятно, не умѣли добывать топливо и разводить огонь; новые люди подкладываютъ дровъ подъ котелъ и облетаютъ вокругъ земли съ быстрой птицею. Старость является скорѣй дурнымъ, чѣмъ хорошимъ наставникомъ, и слѣдуя ея совѣтамъ, юноши больше теряютъ, чѣмъ приобретаютъ. Можно почти всегда сомнѣваться въ томъ, чтобы мудрѣйшій человѣкъ научился чему-нибудь дѣйствительно цѣнному, живя практически благоразумно. Старики не могутъ дать